

ВАРГ МОРОК

ТАНЕЦ
ПОВЕШЕННОГО БОГА

ТОТЕНБУРГ
МОСКВА 2026

УДК 791.43:159.964.2(082)

ББК 85.37я43+88.4я43

М97

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

*Отдельные благодарности моей кюне Александре Кирий
и Евгению Нечкасову. Без них написание и издание книги
было бы невозможным.*

*С автором можно связаться:
oromiselda10@gmail.com*

Морок, В.

М97 Танец повешенного бога. — М.: Тотенбург, 2026. — 160 с.

Книга посвящена Повешенному Богу — Всеотцу Одину — и раскрывает его образ как мистический танец: танец экстаза, безумия и сакрального преображения. Автор предлагает целостное прочтение скандинавского мифа, в котором Один предстаёт не только верховным божеством, но и живым центром космогонии, магии и власти.

Чтобы по-настоящему понять скандинавский миф, необходимо погрузиться в жизнь древних — их быт, судебные обычаи, магические практики и религиозное мировоззрение. Только тогда миф перестает быть условностью и открывает скрытые смыслы.

УДК 791.43:159.964.2(082)

ББК 85.37я43+88.4я43

© Елесин Д. Н., тексты, оформление, 2026

© Издательство «Тотенбург», 2026

ВВЕДЕНИЕ

Данная книга представляет собой концептуальное исследование на тему единичностной мифологемы в германо-скандинавском мифе. При прочтении скандинавского мифа, мы замечаем абсолютное непонимание его сюжета и, как следствие, символов, заложенных в нём. Слишком далеки те образы и понятия, которыми мыслили древние скандинавы, от современного человека.

При написании данной книги я старался погрузить читателя в исторический и мифологический контекст. При таком подходе остро возникла необходимость реконструкции образа жизни древнего скандинава: ритуалов, наполнявших его жизнь, правовых и культурных норм, государственного устройства. Нам необходимо понять, как мыслил человек — носитель скандинавского мифа. Религиозные практики, наполнявшие жизнь такого человека, открывают нам новые точки зрения на миф. То, что человек современности считает как средневековые образы, в действительности же является ни на что не похожим наследием.

Ведущий мотив этой работы — рассмотрение Одина и его роли в пантеоне. Книга состоит

из трёх частей: «Один-Демиург», «Один-Шаман» и «Один-Конунг». Каждая из частей рассматривает Одина, помещая его образ в определённый контекст, что необходимо для понимания роли этого божества в том или ином мифе. Часть «Один-Демиург» посвящена космогонии и созданию человека. Человек современности, ознакамливаясь с созданием мира и созданием человека, смотрит на миф сквозь христианское мышление, отчего возникает неправильное понимание теологии германо-скандинавской мифологии. В отличие от креационистского творения мира, космогония скандинавов не ограничивается явлением божественного и его волевого усилия для создания всего сущего, равно как и мотив создания человека таит в себе куда больше смыслов, чем мы могли себе представить. Мы рассматриваем тот факт, что творение происходит не единым Богом, а триадой богов, ввиду чего мы также задаёмся вопросом о том, откуда появились эти боги. Там, где в мировых религиях божественное деяние порождает богословские трактовки, скандинавская сюжетика указывает на ритуал. Для полного понимания необходимо реконструировать этот ритуал, сопоставить его с мифом, а затем делать выводы. Мифологическое

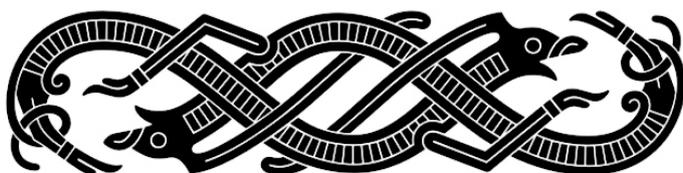
сознание влияет на построение сюжетов в противоположном от нашего мышления векторе, отсюда совершенно неожиданные смыслы.

Во второй части «Один-Шаман» мы рассматриваем Одина, помещая его в контекст шаманской практики. Мы привыкли полагать, что магия в «Эдде» является чем-то сродни сказочному элементу (если не фэнтэзийному) и выполняет лишь сюжетную роль. Напротив, детально рассмотрев элементы магии в мифе мы замечаем реальные магические практики. Любое указание на магию указывает на реальные магические традиции, бытовавшие в Скандинавии.

В третьей части «Один-конунг» мы помещаем Одина в контекст владыки богов и Всеотца. При глубоком анализе корпуса скандинавских текстов, мы приходим к выводу, что положение Одина в иерархии богов не является доктриноподобным, более того, мы находим пережитки более древних эпох, в которых Один занимал совершенно иное положение и выполнял другие функции. Благодаря сравнительной культурологии и сравнительной лингвистике, мы реконструируем утраченный миф о восшествии Одина на престол богов.

ЧАСТЬ 1.

ОДИН-ДЕМИУРГ

ОДИН И ДВОЕ БРАТЬЕВ

В скандинавской мифологии сотворение мира и людей совершается не одним Богом, а сразу триадой божеств. Так, мир создается из плоти Имира Одним, Вили и Ве, а люди создаются уже другой триадой — Одним, Хёниром и Лодуром. Но кто же эти Вили-Ве и Хёнир-Лодур? Обо всём по порядку.

Помещая Одина в контекст двух его братьев, будь то Вили и Ве или же Хёнир и Лодур, мы сразу же рассматриваем его как демиурга нордического мира, потому как создание мира и человека происходило именно тремя братьями. Но в контексте космогонических мифов не принято уделять должного внимания двум братьям Оди-

на, иногда их и вовсе не желают упоминать, говоря: «Один создал мир», «Один создал людей», однако братья Одина играют немаловажную роль в повествовании. Кроме того, подробное рассмотрение двух братьев наталкивает на анализ космогонических песен, а также приоткрывает завесу тайны, скрытой в повествовании.

Проблема Вили и Ве состоит в том, что, несмотря на свою космическую роль в мифе, они больше не упоминаются в нём. Мы знаем лишь значения их имён: «Вили» — это *wile* (воля), в то время как «Ве» — это *Vé* (священное место, жрец). Именно эта загадочная троица создает мир, однако творение людей совершает уже другая триада богов: Один, Хёнир и Лодур. Две триады с Одним во главе, создающие мир и людей, сразу же накладываются одна на другую, как бы подсказывая, что речь идет об одних и тех же сущностях. Однако мы поговорим об этом несколько позднее.

Для начала мы должны разобраться с самой интересной фигурой среди этих триад. Этимология имени «Лодур» остается не вполне ясной. По разным версиям, имя «Лодур» оказывается этимологически родственным словам *liudan* (готск. «расти»), *lóð* (древнесканд. «поддаваться»), *ljóðr*

(древнесканд. «община»), а также lodern (нем. «пылать, гореть»). Разумеется, последнее из высказанных предположений, кажется самым удобным, несмотря на неубедительную цепочку связей между этими словами. Лодур — бог, относительно которого существует одна конкретная версия, гласящая, что он — это Локи. Так, в поэме «Хаустлэнг» Локи именуется другом Вороньего бога (очевидно, Одина) и Хёнира. В «Риме о Трюме» Трюм обращается к Локи не только по основному имени, он также зовет его «Лофт» и «Лодур». В фарерской балладе «Сказка о Локи» крестьянин, проигравший сына великану, взывает сначала к Одину, затем к Хёниру, дабы те помогли ему спасти дитя, однако лишь когда Локи приходит на помощь, мальчик оказывается в безопасности. Данная баллада интересна тем, что триада Один-Хёнир-Лодур предстает перед нами уже как Один-Хёнир-Локи. В свою очередь, в «Перебранке Локи» сам Локи припоминает Одину, что он является его кровным братом. Но на этом намёки на родство между ними не заканчиваются. В «Младшей Эдде» о Локи говорится: «Братья его — Бюлейст и Хельблинди», что образует триаду Хельблинди-Бюлейст-Локи, в то время как в «Речах Гримнира» Один называет

себя, помимо прочего, Хельблинди (Helblindi — мертвенно-слепой, что может указывать на одноглазость Одина). Таким образом, мы точно убеждены, что есть три брата Один-Хёнир-Лодур, которых также можно назвать Хельблинди-Бюлейст-Локи.

Рассмотрение каждого из имён необходимо не только для сопоставления, но и для дальнейшего анализа сюжета творения, а потому я считаю необходимым привести также значение имени Локи. Существует две основные версии происхождения этого имени. Самая популярная версия на этот счет: имя «Локи» — это тоже слово, что и древнескандинавское Logi (огонь). Подтверждение этой этимологии мы находим, во-первых, в младшеруническом написании (для звуков [к] и [г] существует одна графема — руна kaun), во-вторых, в «Младшей Эдде» во время путешествия в Утгард Локи соревнуется с Логи, который является олицетворением огня, в-третьих, в «Прорицании Вёльвы» во время Рагнарёка Локи едет из Муспельхейма, мира огня, и, наконец, в-четвёртых, в эпоху двоеверия (официальное христианство, а в народе — пережитки языческих верований) мы находим Локи как дух камина. Исходя из этого, строится доста-

точно убедительная теория. Согласно второй версии, слово Локи родственно слову *lukan* («запирать»), что вполне себе вяжется с его ролью как бога, прикованного к скале в наказание за убийство Бальдра. Словом, любая из версий имеет право на существование. Выходит, как минимум об одном брате Одина мы знаем предостаточно, хоть он и назван не самым популярным своим именем. А что про второго брата?

Хёнир упоминается зачастую вместе с Одином и Локи, что делает эту троицу неразделимой. Так, Хёнир участвует в вышеупомянутой фарерской «Сказке о Локи», а также упоминается с двумя своими братьями в мифе о похищении Идунн, затем, во всё той же триаде, он упоминается в «Выкупе за выдру». В «Языке поэзии» он упоминается как «сотрапезник, попутчик и собеседник Одина». Что самое интересное, не позволяющее нам соотносить Хёнира с кем-либо еще, так это то, что он был заложником у ванов наряду с Мимиром. Ваны же провозгласили Хёнира вождем. Выходит, Хёнир выпадает из повествования по той причине, что он попросту находится в других землях, нежели асы.

Само слово «Хёнир» (др.-сканд. *Hœnir*), скорее всего, является производным от слова

hœna («петух»). Многочисленные источники (Ибн Фадлан, Титмар Мерзебургский, «Деяния данов» и проч.) указывают петуха как желательную жертву богам (каждый из источников — в своих обстоятельствах). Интересным является тот факт, что существует глагол gala, напрямую относящийся к слову «гальдр» (руническая магия). Gala переводится как «кукарекать», «петь магическую песнь». То есть семантически имя Хёнира напрямую связано с жреческо-магической функцией, его имя указывает на священную роль петуха. Петуха жертвуют богам, петух же кукарекает (gala), что связано с пением магической песни гальдра.

После Рагнарёка Хёнир «берёт прут жеребьёвый», что отсылает нас к жреческой традиции. Разобравшись в фигуре Хёнира, мы неминуемо сопоставляем его с богом из другой триады — Ве. Всё, что сказано про Хёнира, с тем же успехом могло быть описанием Ве, имя которого также переводится как «жрец». И, выходит, Ве не упоминается далее по всё той же причине — в дальнейшем его называют Хёниром. Хёнир же, в свою очередь, не так часто появляется в мифе потому, что был передан ванам.

Теперь, когда мы понимаем природу этих богов, мы с лёгкостью можем сопоставить богов и их дары, понимая, почему каждый бог даёт свой дар. «Прорицание Вэльвы» говорит нам о том, что человек (Ask) был создан из ясеня, на что указывает его имя. То есть порода, послужившая для создания человека, также является породой мирового древа. А что с самим процессом создания? Один как верховный бог даёт главный дар — önd, то есть Один наделяет людей душой. Такое название душе дано не случайно. Как и во многих других индоевропейских языках, в древнеисландском есть непосредственная связь между дыханием (anda) и душой (önd) (ср. лат. spirit и spero; рус. «дышать» и «душа» и т. д.). Наделяя человека дыханием, Один наделяет ясьень душой.

Хёнир как бог-жрец дарует вдохновение — óð (имеется в виду экстаз, ощущение божественного; под этим словом можно понимать вдохновение скальда, сексуальный экстаз, бешенство битвы, а также опьянение). Дар Лодура — lá, слово, имеющее два самых убедительных перевода. Согласно первой версии, оно означает «кровь», «жизненные краски» (ср. oddlá — кёнинг крови). Согласно второй версии, это слово

означает «ложь» (слово оказывается родственным английскому lie). И хотя общепринятая трактовка этого дара — «жизненные краски», очевидно, что версия с ложью также может оказаться истинной. Оба варианта можно интересно связать с двумя версиями об именах Локи: если Локи означает «огонь», то можно связать это с даром жизненных красок; если Локи означает «прикованный» в значении «противник асов», то Локи дарует «ложь». Я предлагаю оставить обе версии как одинаково возможные или же дополняющие друг друга в теологическом плане.

Подытоживая, можно сказать, что в ходе рассмотрения божеств, мы достигли отождествления всех триад: Один-Вили-Ве, Один-Лодур-Хёнир, Хельблинди-Локи-Бюлейст соответственно¹.

¹ Дополнительным аргументом к отождествлению триад может послужить отрывок из «Саги о Нитиде»: «Король по имени Солдан правил Серкландом. У него было три сына: одного звали Логи, второго Велоги, а третьего — Хейдарлоги, он был старшим из них. Волосы и борода у него были чёрными. У него был длинный подбородок и впалые щёки, кривые зубы, перекошенный рот, и ещё он был косолап. Один глаз у него смотрел внутрь, а другой — наружу. Он был великим воином и владел колдовством и заклинаниями, был очень сильным и побеждал в любой битве. Его братья Логи и Велоги были многообещающими и уважаемыми людьми и

И хотя последняя триада трудна в сопоставлении с оставшимися из-за предков Локи, я думаю, что с предками Локи и Одина всё не так просто, как кажется. В «Младшей Эдде» приводится следующая генеалогия Одина: от Бури родился Бор, который взял в жёны Бестлу, дочь Бельторна. И эта генеалогия представляется мне весьма туманной, потому как предки Одина по отцу имеют, так сказать, специфические имена: *Þingi* переводится как «родитель», в то время как *Вогг* переводится как «рождённый». А что нам известно о материнской линии Одина? Мать Одина, Бестла, также имеет имя, будто указывающее на что-то: *Bestla* трактуется как «кора». Такое же «древесное» имя принадлежит другой матери, уже матери Локи — Лаувейя (*Laufey* —

проводили лето в походах». Трактую этих персонажей как отображение божественной триады «Один-Вили-Ве», мы обнаружим удивительное сходство. Логи (*Logi* — огонь) в таком контексте указывает нам на Локи, Велоги (*Vé-logi* — священный огонь, огонь святилища) — на Ве, а Хейдарлоги (*Heidar-logi*) можно перевести двумя способами: либо мы имеем дело с двумя существительными, либо со словосочетанием прилагательное + существительное. В первом случае имя будет трактоваться как «огонь в пустоши», а во втором — как «яркий огонь» (от прилагательного *heið*), что указывает нам на Одина и подтверждает уже не имя, но описание Хейдарлоги, где он назван великим воином и колдуном с одним смотрящим наружу глазом.

«лиственный остров», что является кённингом для дерева). Разумеется, это наталкивает на мысль о родстве Локи и Одина как минимум по матери (а может, наталкивает нас на мысль о том, что Хёнир и Локи являются полноправными братьями Одина²), но что удивляет куда больше, имена их матерей (или же матери) намекают, так сказать, на древесное их происхождение. Такая теория сама по себе не может казаться экзотической, потому как, во-первых, дед Одина был вылизан из солёного камня коровой Аудумблой, во-вторых, сами люди, дети богов, также были созданы из дерева. Если боги такого масштаба, как Один и Локи, были созданы из дерева, то не из самого ли Иггдрасиля? Ответ на это мы находим в «Речах Высокого». В момент повешения Одина на Мировом Древе, когда он обретает руны, сказано: «Девять песен узнал я от сына Бёльторна, Бестли отца». Провисев на ясене, Один обретает руны от отца богини, чьё имя «кора». Не сам ли

² Стоит отметить, что до нас дошёл миф о братании между Одним и Локи посредством ритуала кровосмешения. Это может быть мифом, подменяющим или объясняющим такое родство. Когда миф не может принять какой-то алогичный факт (кровное родство верховного бога и трикстера), он преобразуется (объяснение родства не происхождением от одних родителей, а побратимством).

Иггдрасиль является отцом Бестлы, на что указывает её имя? Если детально рассмотреть «Прорицание Вёльвы», то можно прийти к выводу, что Вёльва помнит момент, когда древо Иггдрасиль ещё не проросло, ведь она происходит от инистых великанов, однако в демиургическом делании не описывается тот факт, что Мировое Древо было создано богами. Более того, древо не могло быть создано или построено, потому как Вёльва помнит его «ещё не проросшим». Следовательно, можно предположить, что именно из Иггдрасиля были созданы Один, Вили и Ве.

Отсюда же следует вывод теологического характера. Собственно, в таком случае, если человек, подобно божествам, был создан из дерева, мы можем говорить об их непосредственном родстве на уровне изначальной природы. Более того, мы можем вывести тождество макрокосма и микрокосма. Если человек был создан из ясеня, то и ясень Иггдрасиль является аналогом как бога, так и человека с точки зрения эдаких метафорических соответствий, к тому же: из какого ясеня был создан человек, если не из ясеня Иггдрасиль?

ЧЕЛОВЕК ИЗ ДЕРЕВА

Исходя из всего известного нам, можно прийти к простейшему выводу: человек является своего рода идолом. Так, он создаётся из сакральной породы дерева, в него вдыхается (anda) дух, ему даётся экстаз как средство понимания божественного (Óðr), ему даруется кровь (lá). Создавая идол божества, жрец повторяет это священнодействие, он создаёт, но не человека, а тело божества. В идол вдыхается душа, ему даруется алкоголь, его покрывают кровью жертвенного животного. Детально изучив миф о создании человека, мы неминуемо приходим к практике imitatio dei (подражания божеству). Всё это согласуется со словом, обозначающим идол, которое мы встречаем в сагах — trémaðr, что буквально переводится как «человек из дерева». Более того, trémaðr употребляется в «Речах Высокого»:

*В поле я отдал
одежду мою
двум мужам деревянным [trémaðr];
от этого стали
с людьми они сходны:
жалок нагой.*

(«Речи Высокого», 49)

Эта строфа, очевидно, связана с мифом о досоздании людей богами. Однако если не знать контекста этой строфы, то вполне можно подумать, что речь идёт не о создании людей Одином, а об одевании идолов богов (бытовавший обряд). О том, что идол бога обычно одевали в одежды, мы можем узнать из следующего отрывка из «Саги о Рагнаре Меховые Штаны и его сыновьях»:

Рассказывают, что повара сошли на берег приготовить еду, а остальные люди отправились в лес развлечься и там нашли древнего деревянного человека [trémaðr], он был сорок сажений в высоту и порос мхом, и всё же все его черты были различимы. Они начали обсуждать между собой, кто же поклонялся этому великому богу. И тогда деревянный человек сказал:

*То было давно:
в дорогу дети
Хэклинга шли
на конях катков
вперёд по солёному
следу сельди.
Тогда сего стал я
селенья правителем.*

*Потому и поставлен был
чёрно-блестящими
на юге у соли я
сыновьями Лодброка.
Тогда принесли меня
в жертву люди,
убили на юге
острова Самсей.*

*Там велели стоять,
пока берег выдержит,
мужу в терновнике,
мхом поросшему.
Ныне льёт на меня
плач облаков,
не покрывает
ни плоть, ни одежда.*

Таким образом, мы видим, что окончание создания как человека, так и идола божества — это одевание идола. И если создание человека из ясеня с последующими ритуалами можно воспринимать как мифопоэтический оборот, указывающий на богоподобие человека, то при рассмотрении мифа о сотворении человека вкупе с практикой создания идола мы неминуемо приходим к тому, что человек создан наподобие идола божества, а человек, в свою очередь, создаёт идол бога наподобие того, как боги создавали его.

Идол Одина из ставкирки в Хегге